

DOI: 10.23681/500017

М. Ю. Люстров

**«ХРАБРЫЕ» «ЛЬВЫ СЕВЕРА» И «ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ»
ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ В РУССКОЙ
И СКАНДИНАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII ВВ.**

Аннотация: В статье дается краткий обзор русских, шведских и датских сочинений XVII–XVIII вв., посвященных северным монархам-современникам: Михаилу Федоровичу, Густаву II Адольфу и Кристиану IV. Обнаруживается, что российскому царю свойственны иные, нежели у королей Севера, достоинства, и эти достоинства перечисляются в русских текстах как XVII, так и XVIII в. Русским правителем, равновеликим северным монархам-героям, датский историк и моралист Л. Хольберг объявляет Петра I, русские же авторы XVIII в. не сопоставляют со «Львами Севера» ни императора Петра, ни царя Михаила.

Ключевые слова: русская литература XVII–XVIII вв., датская литература XVII–XVIII вв., шведская литература XVII–XVIII вв., царь Михаил Федорович, Густав II Адольф, Кристиан IV, Петр I.

М. Yu. Ljustrov

**“BRAVE” “LIONS OF THE NORTH” AND THE “MAGNIFICENT”
TZAR MIKHAIL FEDOROVICH IN RUSSIAN AND
SCANDIAVIAN LITERATURE OF THE 17th-18th CENTURIES**

Abstract: The paper involves a brief survey of Russian, Swedish and Danish works of the 17th–18th centuries dedicated to northern contemporary monarchs: Mikhail Fedorovich, Gustav II Adolf and Christian IV. It becomes clear that the virtues proper to the Russian tzar differ from those of the northern kings, the former being specified in Russian texts of the 17th and 18th centuries. Danish historian and moralist L. Holberg cites Peter I among Russian rulers equal to northern monarchs-heroes, while Russian authors of the 18th century do not confront “Lions of the North” neither with emperor Peter nor with tzar Mikhail.

Keywords: Russian literature of the 17th–18th, Danish literature of the 17th–18th, Swedish literature of the 17th–18th, tzar Mikhail Fedorovich, Gustav II Adolf, Christian IV, Peter I.

В своих нравоучительных и исторических сочинениях классик датской литературы Л. Хольберг (1684–1754) неоднократно описывает или по образцу Плутарха сопоставляет между собой прославленных европейских монархов. Естественно, особенный интерес у скандинавского автора вызывают правители Севера – королева Маргарете и Кристиан IV датские, шведские Карлы – Десятый и Двенадцатый, Густав II Адольф и королева Кристина, российские Петр I и Екатерина I. К числу наиболее прославленных и, несомненно, равновеликих героев Севера Хольберг относит своего единокровца Кристиана IV, а также Густава II Адольфа и Петра I. В отдельных эпистолах он сопоставляет величайшего из датских королей с его «аналогами» – королем Швеции и императором России, обещает сдерживать патриотические чувства и не скупится на комплименты [21, s. 183–188].

Примечательно, что входящие в эту тройку выбранных Хольбергом гениев скандинавские короли правили значительно раньше своего русского коллеги: Кристиан IV (1577–1648) взошел на престол в 1588, Густав II Адольф (1594–1632) – в 1611 г. Однако датский автор на это обстоятельство внимания не обращает, эпохи их правления между собой не соотносит и ни разу не утверждает (по крайней мере в этих текстах), что по части появления коронованных героев Россия отставала от своих скандинавских соседей почти на столетие. Русский современник этих выдающихся мужей Севера – царь Михаил Федорович (1596–1645) – правитель, Хольбергу известный, но не почитаемый. Действительно, на фоне обоих скандинавских королей – реформаторов, полиглотов и стихотворцев – русский царь выглядит фигурой неприметной. Ни в какое сравнение со «Львами Севера» Михаил Романов не идет и в чрезвычайно важной для создания героического образа монарха военной сфере: он не полководец, не организатор армии и не воин.

Во «Введении в историю европейских стран» (1711) Хольберг приводит максимально полный перечень военных конфликтов, в которых участвовали интересующие его страны, и представляет Густава II Адольфа, Кристиана IV и Петра I в качестве полководцев (или флотоводцев), лично и умело командовавших своими военными силами. Особое почтение у датского автора вызывает король Швеции. По словам Хольберга, несмотря на постигшую Густава Адольфа неудачу в противостоянии с Данией, в дальнейшем он воевал чрезвычайно успешно, во время Тридцатилетней войны слава его «достигла высшего предела», но в 1632 г. этот

«храбрый государь» пал в битве при Лютцене. Заканчивая рассказ о последнем сражении Густава Адольфа, Хольберг отмечает, что благодаря ему «шведская нация приобрела великое имя во всей Европе» [22, s. 1019]. О военных заслугах датского Кристиана Хольберг рассуждает значительно меньше и останавливается лишь на его успешном командовании военным флотом: «...несмотря на то, что голландцы помогли шведам людьми, деньгами и судами, так что на море они стали располагать такой силой, которой у шведской короны никогда не видели раньше, его величество собственной высококой персоной пошел на них с датским флотом, дал сражение большому шведскому флоту у Боргольма и принудил его вползти в Кильскую гавань...» [22, s. 900]. Отмечу попутно, что каждый из северных королей проявлял военных таланты в той области, в которой имел особые дарования: в 222 эпистоле «Густав Адольф и Христиан IV» Хольберг утверждает, что Густав Адольф был великим «генералом», Кристиан же – великим «адмиралом» [21, s. 181].

О Петре-полководце Хольберг говорит неоднократно и в разных своих сочинениях: в главе «Введения», посвященной истории Швеции, датский автор отмечает, что в битвах при Лесной и под Полтавой русскими войсками командовал сам царь, а в сочинении, в русском переводе получившем название «Сравнение житий и дел разных а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей», – что победа в битве при Лесной была одержана, кроме прочего, благодаря «разумному командованию» русского монарха [19, s. 269]. О правлении же Михаила Федоровича Хольберг рассказывает чрезвычайно кратко (а не только сухо, как в случае с его любимыми героями) и не допускает самой возможности его личного участия в сражении: из фрагмента «Введения» следует, что новый царь «работал над тем, чтобы в стране вновь воцарилась тишина», с этой целью он заключил мир с поляками в Деулино (Diwilina) и со шведами в Столбово (Stolbov), при этом поляки получили Смоленск (Smolensko), а шведы Кексгольм (Kexholm) с провинцией Ингерманландия (Ingermanland), в 1633 г. случилась новая русско-польская война, и «московиты были настолько неудачливы, что по условиям мира 1634 г. должны были уступить Польше два крупных княжества – Смоленск (Smolensko) и Чернигов (Czernichov), а в 1646 г. Михаил Федорович (Michael Fedrovitz) умер [22, s. 1097].

О бесстрашном поведении монарха на поле боя и его умелом командовании победоносными войсками много и охотно писали

европейские (не только скандинавские) панегиристы – современники «Северных Львов». Так, в стихотворении «отца датской поэзии» А. Арребо «Весьма краткое извлечение на великое счастье и одержание победы», написанном в 1611 г. и посвященном взятию датчанами шведского Кальмара в том же 1611 г., активное участие Кристиана IV в перечисленных подневно событиях подчеркивается специально («едет твой король и господин ради Кальмара города с честью», «завоевал город с честью наш милостивый король и господин», противостоящей датскому герою шведский король Карл IX «утратил множество пушек, которыми вполне мог щеголять», а «что делает король Кристиан?») [14, s. 267–273].

О прославленном шведском короле Густаве II Адольфе панегирические сочинения писали во всей Европе и на различных языках. Так, кроме многочисленных шведских «плачей», вышедших в начале 30 г. XVII в., существует хранящийся в библиотеке университета Упсалы сборник стихотворений, в том числе латинских и французских, посвященных гибели Густава, – «Poëmer öfver K. Gustaf Adolph, Dess död & c. (på flera Språk)». Автор одного из латинских текстов находит в короле Швеции черты Александра Македонского, Цезаря, Сципиона и Ганнибала, во французском стихотворении он назван «великим Густавом» и «великим принцем» [23, s. 2709] (краткий обзор латиноязычных сочинений известных европейских авторов XVII – начала XVIII в. на эту тему сделан Х. Хеландером [17, s. 378–387]).

О своем национальном герое шведские поэты писали на протяжении всего XVII в. Например, в 1641 г. были изданы посвященные гибели Густава творения Е. Д. Акрелиуса и И. С. Нортеля, а в повествующей о восшествии на шведский престол в 1644 г. дочери Густава Адольфа Кристины «Героической торжественной песне» «отец шведской поэзии» Г. Шернъельм описывает ужасное для Швеции время, когда после гибели ее короля страна осталась вдовой, а шведы – сиротами и лишенными надежды овцами. По Шернъельму, «великий герой добродетели», обладающий «могучей дланью», мудрый, «высокочитимый во всей земле», удачливый и «победоносный» король Густав принес себя в жертву подобно пеликану, вскармливающему птенцов собственной кровью [24, s. 34]. Как следует из шведских текстов XVII в., главной чертой монарха, будь то Густав Адольф, королева Кристина или Карл X Густав, является их «победоносность». Обращенный к королеве Кристине «Сонет на языке амазонок» Шернъельм начинается четверостишием: «Героиня, чье имя и победоносная рука,

Разум, мудрость, добродетель, рассудок и великолепные подвиги Бесконечно превосходят все хвалы, которыми в древних писаниях награждаются Величайшие герои под солнцем во всей земле» [24, с. 38]. Во включенном в издание первого шведского пособия по поэзии – «*Manuductio ad poesin svecanam*» (1651) А. Арвиди – стихотворном посвящении будущему королю Карлу X А. Стретгенсис называет Карла Густава «победосчастливым героем», «всемилодивейшей защитой и поддержкой, которая с высочайшей силой оборонит шведскую землю» [15, с. 4].

О «победоносности» и гибели Густава Адольфа писали и в России времени Михаила Федоровича, правда, не в панегирических стихотворениях, а в дипломатических документах. В датированной 1633 г. и опубликованной Н. В. Голицыным грамоте князя Ивана Борисовича Черкасского к губернатору Ливонскому, Корельскому и Ижорскому Иоганну Шкуту говорится: «Да ты же писал ко мне, что даешь ведати о смерти государя своего королевского величества, что праведными судьбами Божиими государю вашему Густафу-Адолфу королю его королевского величества смерть случилось, и просишь меня соседственно, чтоб мне великому государю нашему его царскому величеству то подлинно рассказать, для того что иногда инако слава прошла, и царское величество больши в кручине тем (в)ведут, потому что ты гораздо ведаешь, что ему царскому величеству королевского величества кончина, аки доброго друга и приятеля также печально будет <...> И великий государь наш его царское величество и отец его великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московской всея Руси, слыша о том, что праведными судьбами их государского друга и доброго приятеля государя вашего Густафа-Адолфа короля не стало, то прेमного поскорбилися, что его королевское величество против общих врагов царского величества и королевского величества, римские веры еретисков, папежан, иезавитов за их неправды и гоненья за веру ващу храбростим своим крепко и мужественном и победу над ними показал многую и на том ратном деле за свою государскую природу и за свою веру и за весь народ немецких государства показал много, свою дородство и храбрость, живот свой скончал, и положил тое кручину на волю Божию, что то учинилось его праведною волею Божиею» [4, с. 8, 9]. Как и в европейских панегириках, в русской грамоте специально подчеркивается личная храбрость шведского короля, выступившего против общих русско-шведских врагов и нанесших им поражение.

Надо отметить, что о прошведских настроениях в России в эпоху Тридцатилетней войны шведы знали хорошо: так, в библиотеке университета Упсалы хранится рукописное «Festivitet i Ryssland öfver Segernvid Leipzig» – 14 ноября 1631. При этом в Швеции предложили свое объяснение причин расположенности к ним русского царя: в изданной в 1699 г. «Исторической реляции» о «военной экспедиции в Германию» и гибели Густава Адольфа утверждается, что печаль Михаила Федоровича связана с утратой надежды на помощь Швеции в его войне с Польшей [18, s. 2478].

Другое дело, что в России Михаила Федоровича безупречным героем и царским «приятелем» Густав II Адольф признавался не всегда. В самом начале правления «Льва Севера» шведы предпринимали попытки овладеть русскими крепостями, и этим их акциям посвящены, в том числе, «Повесть об освобождении Тихвинского монастыря от шведов» и «Повесть о приходе в Швецию появившаяся посвященная тем же событиям «Belågringen för Pleskow uphafves 1615»). В обоих русских памятниках рассказывается о действиях «поганых немцев», о локальных успехах защитников русских крепостей («...и стрелцы и посацкие люди едином <...> по караулом немецких людей побили, а иных живых взяли» [8, л. 3 об.], осажденные врагов «побили, а иных живых взяли» [8, л. 4 об.]) и обязательно о присланной из Москвы помощи. В повести об осаде Тихвинского монастыря отмечается, что «с восточныя страны от силнаго царства московскаго идут государевы люди» [8, л. 3 об.], в повести об осаде Пскова – «благочестивый Государь Царь и Великий Князь Михайль Федоровичъ, всеа Росіи Самодержецъ, слышавъ великое утѣсненіе граду Пскову отъ поганыхъ Нѣмецъ, велми печалень бысть, и собра вскорѣ ратныхъ людей і посла во градъ Псковъ в помощь» [12, с. 8]. В отличие от правителей Швеции и Дании, участие царя Михаила в военных действиях проявляется не в умелом командовании и героическом поведении на поле боя, а в «собираании» и «посылке» ратных людей (это обстоятельство нашло отражение и в русской беллетристике – в «Повести о Савве Грудцыне» указывается, что «благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск»).

Таковыми же отношения между царем и его воинством представлены в виршевых посланиях, адресованных Михаилу Федоровичу.

В стихотворении справщика Савватия, кроме прочего, говорится: «Дай бы ты, государь, здрав был на многи лета, Да сподобишися зрети самого немерцаемого света <...> И о всем христоролюбивым воинством и з доброхоты, Иже приносят к тебе, государю, неизменные своя работы...» [2, с. 204, 205]. О личной доблести как царской добродетели в виршевых панегириках Михаилу Федоровичу не говорится ни слова, это качество не должно входить в число достоинств, восхваляемых русским панегиристом. Примечательно, что, в отличие от скандинавских коллег, русские стихотворцы не называют Михаила ни «победоносным», ни «победосчастливым». Из того же стихотворения следует, что царская рука «всех нас обогащает», а не является, как в шведских стихотворениях, могучей или победоносной. Московский царь не воинственен, а боголюбив и кроток: «Писано есть царь о мире бога умолит...». О том, что желанный мир последует после победы, Савватий не говорит; кажется, для русского царя важно лишь отсутствие войны, какими бы способами это состояние ни было достигнуто. Не желая вооруженного конфликта с Турцией, как следует из «поэтической» «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков», «по прошению и по присылки турского Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Федоровичь, пожаловал турского Ибрагима салтана царя, велѣл донским атаманом и казаком Азов градъ покинуть» [3, с. 448]. По мысли автора, московский царь имел возможность оказать содействие завоевавшим и отстоявшим Азов казакам, но предпочел удовлетворить просьбу султана и его *пожаловать*.

Авторы виршевых посланий обращают внимание на тезоименитство московского царя грозному архангелу Михаилу, но только для того, чтобы заявить о миролюбии и кротости Михаила Федоровича. Так, из эпистолии Михаила Юрьевича Татищева следует, что царь «щадит же многия враги своя везде повинны, Аще нещии являются и смерти достойны, Дарует свою царскую благосердную милость, И свою огненосную уставляет о них ярость» [2, с. 112]. С точки зрения одноименного монарху стихотворца, царь Михаил отказывается испепелять своих врагов огненным мечом архангела, вместо этого он «реки проливает молитв к богу от сердечныя пучины, Просит царьстей своей державе быти немятежней, От вражиих прилог сохранитися неврежденней». Савватий же дважды отмечает, что имя «Михаил» переводится как богоподобный и с бранными подвигами царя этот факт не связывает: «В лепоту твое царское звание реченно лице божие, Неложно вси

ми, убозии, твое царское подножие» [2, с. 202]; «Еще твое царское звание, От лица божия нарицание [2, с. 205]».

Как установлено А. С. Деминым, русские авторы 20–30-х гг. XVII в. стремятся представить Россию чрезвычайно благополучной страной, а царя Михаила Федоровича – «исключительно плодотворным “устроителем”» [5, с. 403]. В этой картине (отчасти воспроизведенной Хольбергом) царь Михаил – не герой, не победитель, а правитель, стремящийся восстановить в своем государстве нарушенные Смутой тишину и порядок. Умение руководить войсками, личное мужество, способность принести себя в жертву и пролить ради подданных кровь – качества Густава II Адольфа, Кристиана IV, Петра I, Карла XII или, на чем настаивают датские панегиристы начала XVIII в., Фредерика V. Кроткий царь Михаил обладает другими достоинствами, по мнению русских панегиристов XVII в., важными и ценными.

Правда, в той же Швеции личная храбрость монарха во время сражения безусловной добродетелью признана не была (как показывает пример не вернувшихся с войны Густава Адольфа, Карла X Густава и Карла XII, вполне обоснованно). Известно, что канцлер Аксель Уксеншерна умолял Густава Адольфа беречь себя во время сражений, а значительно позже, во время Северной войны, в Стокгольме была опубликована книга Симона Исогеуса «Победный щит Карла, который Великомогущий король Карл XII, наш всемилостивейший правящий король, так же хорошо, как древние шведские и готские короли <...> во все времена со шведскими и готскими мужами к своей и их всевечной славе против своих и государственных многомогущих и сильных врагов носил и с миром домой приносил...» (1714), одна из глав которой посвящена вопросу допустимости для короля «подвергать риску свою высокую персону на поле боя» [20, с. 454]. Естественно, в своем тексте Исогеус неоднократно упоминает Густава II Адольфа. И все-таки не щадящий своей жизни и павший в битве шведский король-воин вызывал безусловное восхищение и у современников, и у потомков.

Не меньшее почтение заслуживал и готовый отдать свою жизнь на поле битвы Кристиан IV: в 1611 г. он лично ведет солдат на штурм Кальмара, во время морского сражения при Кольбергер-Гейде без малого семидесятилетний король со шпагой в руке стоит на палубе корабля, находящегося под непрерывным огнем неприятельских орудий, и отказывается покинуть свой пост даже после тяжелого ранения.

О «старинных» Густаве, Кристиане и Михаиле северные авторы (не только Хольберг) пишут на протяжении XVIII столетия, а их эпоху так или иначе соотносят с правлением современных российских, шведских и датских монархов. В шведских сочинениях времени Северной войны король-воин Карл XII уподобляется королю-воину Густаву II Адольфу, а панегиристы Густава III (равно как и сам король) подчеркивают одноименность двух великих Густавов. Один из многочисленных примеров такого рода – изданная в 1778 г. «Речь отставного солдата к королю Густаву III», в которой столетний каролин рассказывает «нынешнему» Густаву III о явлении ему призрака Густава II и о пророчестве великого героя касательно счастливого правления своего тезки [16]. В пьесе известного датского поэта и драматурга Юхана Эвальда (1743–1781) «Рыбаки» (1779) включен романс «Kong Kristian stod ved højen mast» («Король Христиан стоял у высокой мачты»), повествующий о подвиге короля в битве при Кольбергер-Гейде и в 1780 г. ставший датским королевским гимном. Подобно тому, как датский автор рассказывает о шведском Густаве и сравнивает его со «своим» Кристианом, шведские авторы размышляют о датском Кристиане и сопоставляют его с Густавом. Во втором томе шведского издания «Наши опыты» (1754) помещена статья «Ответ на вопрос, кто был более великим королем, Густав Адольф в Швеции или Кристиан IV в Дании?», и из нее, кроме прочего, следует, что шведский король был редким храбрцом и непревзойденным полководцем [25, с. 145].

Как известно, в русских сочинениях начала XVIII в. причиной войны со Швецией объявляется намерение Петра вернуть земли, потерянные Россией во время правления Михаила Федоровича. При этом утративший территории дед нынешнего монарха называется спасителем отечества и удостоивается всяческих похвал: «Михаил Федорович всея России самодержец, иже прежде царствовавших державу, аки доброносное и красноцветущее древо теснотами лютыя зимы врагов наваждениями увядшее паки оживи. Волнуемому же зверообразными врагов крамолных нашествии и восхищением одержиму российскому царству вожделенный мир возрасти» («Торжественная врата, вводящая в храм безсмертных славы...») [10, с. 137].

Во второй половине столетия Михаил Федорович упоминается русскими авторами не слишком часто и в полном соответствии со сложившейся традицией. Так, в «Краткой повести о бывших в России самозванцах» (1774) М. М. Щербатов замечает, что

«Россия от частых волнений и разорений мудрым правительством царя Михаила Феодоровича избавлена была. Вскоре сила ее утвердилась, бунты стали усмирены, и окружные враждующие ей народы в союз с нею вступили» [13, с. 160]; в «Оде на новый 1763 год» В. Майков объявляет Михаила монархом, который «московски падши стены <...> из пепла паки возвышает и Паки россов оживляет, Которых лютый рок сразил» [7, с. 193] (по наблюдению В. Проскуриной, в этом фрагменте Майков указывает на сходство между восшествием на престол Екатерины II и первого Романова [11, с. 74]). Примечательно, что, в отличие от миролюбивого Михаила, следующий за ним Алексей Михайлович называется Майковым «прехрабрым победителем», который «великой храбростью своей Меж многих кроволитных боев Возвысил рог российских воев» [7, с. 193]. В этом фрагменте Майков снова не отходит от сложившейся традиции: в датированном 1660 г. «Диалоге кратком» Симеон Полоцкий называет царя Алексея не только кротким и тихим, но и «храбрим мужем», к царю же Михаилу такие характеристики кажутся малоприменимыми. Во вступлении к незаконченной поэме «Освобожденная Москва» Майков просит музу «возгласить» вместе с поэтом «сладчайший оный час, Как пленную Литвой Москву Пожарский спас И как с восшествием на царство Михаила Унылая Москва свой вид возобновила» [7, с. 311]. В. Петров одним из отечественных героев, «уже однажды, в начале XVII в., смиривших сарматскую гидру», называет «великолепного Михаила» [6, с. 155], но, как и Майков, воином-спасителем объявляет Пожарского, «восстановителя власти царской».

В России XVIII в. Михаил Федорович воспринимался как мудрый монарх, фигура почтенная, но не героическая и военными подвигами восхищения не вызывающая. В нем видят одного из старомосковских правителей – не гения, сделавшего свой народ славным во всей Европе, и не «храброго мужа» (в отличие от его сына Алексея, а тем более внука Петра). Для северных авторов XVIII в., имеющих представление о русской истории прошлого столетия, перед кротким Михаилом стояла не слишком амбициозная задача восстановления в стране мира. По Майкову или Щербатову, с этой задачей он справился с блеском; из текста Хольберга не вполне понятно, достиг ли царь цели, ради которой ему пришлось пойти на масштабные территориальные уступки. Датский автор подчеркивает, что после смерти Михаила пятый Лжедмитрий предпринял попытку захватить русский престол, а значит, несмотря на все старания первого Романова, наступивший

в стране мир прочным все-таки не был. Майков же утверждает, что царю Михаилу Федоровичу удалось вернуть Москве старый вид и стать одним из предшественников Петра I («Ода на новый 1763 год»), на взгляд Хольберга, несомненно, равновеликого скандинавским героям.

В свою очередь русские авторы XVIII в. с великими Густавом II Адольфом и Кристианом IV не сравнивают ни малозаметного современника Львов Севера Михаила Федоровича, ни яркого и героического Петра Алексеевича (по словам Екатерины II, начавшего править еще в XVII в., а потому монарха из числа старинных [1, с. 550]). Построения Хольберга в России поддержки не нашли, и его эпистолы, содержащие сопоставление шведского короля Густава и российского императора Петра с королем Дании Кристианом (на сходстве Петра и Кристиана он настаивает специально), на русский язык переведены не были.

В книге «Разговоры мертвых» (СПб., 1790) М. Н. Муравьев обнаруживает героев русской истории, неотличимых от бесстрашных шведских монархов, но лишь среди правителей Древней Руси. По его версии, воинственный и неразумный Карл XII является повторением мало заботящегося о своей земле киевского князя Святослава (глава «Карл XII и Святослав I»).

Примечательно, что и для Хольберга, и для Муравьева отечественные герои существенно старше своих русских или, соответственно, скандинавских аналогов, однако, повторяю, актуальность для обоих северных авторов этой идеи представляется весьма спорной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вачева А.* Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. – София, 2015.
2. *Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подгот. текстов и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина.* – М., 1989.
3. *Воинские повести Древней Руси / сост. Н. В. Поньрко.* – Л., 1985.
4. *Голицын Н. В.* К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648). – М., 1903.
5. *Демин А. С.* О художественности древнерусской литературы. Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. – М., 1998.

6. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла ... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004.
7. *Майков В. И.* Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия). – М.; Л., 1966.
8. ОР РГБ. Ф. 299. № 133.
9. ОР РНБ. Ф. XVII.3.
10. Панегирическая литература Петровского времени / сост., подгот. текстов, коммент. В. П. Гребенюк. – М., 1979.
11. *Проскурина В. Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М., 2006.
12. Чтения в обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). – М., 1869. Кн. 1.
13. *Щербатов М. М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. – СПб., 1793.
14. *Arrebo A.* Samledeskrifter. København, 1965.
15. *Arvidi A.* Manuctio ad poesin svecanam, thet är / en kort handledning til thet swenske poeterij / verß- eller rijm-konsten. Stockholm, 1996.
16. En Afskedad Soldats tal til Konung Gustaf III den 24 januarii 1778. Götheborg
17. *Helander H.* Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas. Uppsala, 2004.
18. Historisk relation om then fordom stormächtigste konungens Gustavi Adolphi Den Andres och Stores Krigz Expedition uti Tyskland Ifrån anträdet på Tyska Botnet in Aprili Anno 1630 til thes alt förhastige och högstbeklagl. Död=Fall som skedde den 6 Novembr. 1632. Stockholm, 1699
19. *Holberg L.* Adskillige store Heltes og berømmelige Mænds, sær Orientalske og Indianske sammenlignede Historier og Bedrifterefter PLUTARCHI Maade Ved Deelt udi 2 TOMER. Tomus I. København, 1739.
20. *Isogaeus S.* Carla seger=skiöld Hwilken Then Stormächtigste Konung Carl XII Wår allernädigste regerande Konung Så wäl som forna Swea och Götha konungar .../ I alla tider med Swenska och Götha män / til sitt och theras ewigtwarande beröm / emot sina och Riksens många / mächtuga och häftiga Fiender omfördt / och med then Friden hemfördt hafwa. Stockholm, 1714.

21. Lud. Holbergs Epistler, Befattende Adskillige historiske, politiske, metaphysiske, moralske, philosophiske, Item Skiemtsomme Materier. Ep. CCXXIII. Tomus III. Kiøbenhavn, 1750.
22. Ludvig Holbergs introduction Til de fornemste Europæiske Rigers Historier, Fortsat Indtil disse sidste Tider, Med Et tilstræckeligt Register. Kiøbenhavn, 1711.
23. Palmiskiöldiske samlingen. 38.
24. *Stiernhielm G.* Musæ Suethizantes, thet är Sång=Gudinnor / Nu först lärande Dichta och Spela på Swenska. Stockholm, 1668.
25. Våraförsök. Stockholm, 1754. V.II.

Об авторе / About author

Михаил Юрьевич Люстров – доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий отделом древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: mlustrov@mail.ru

Mikhail Yu. Lustrov – DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of Old Slavic Literature Department, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: mlustrov@mail.ru